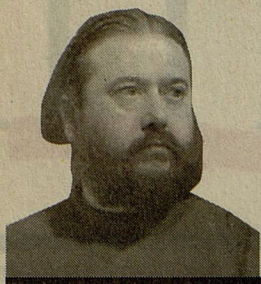

Сокровенное в обыденном

Дмитрий Данилов: «Я пишу грустные, даже мрачные вещи, а люди смеются»

Дмитрий Данилов родился в Москве, сейчас живет в небольшом подмосковном поселке недалеко от Подольска. Работает редактором корпоративной газеты группы «Ист Лайн» (аэропорт «Домодедово»). Публиковался в альманахе «Топос», журнале «Популярная психология», сборнике «Настоящая проза».

37-летний прозаик Дмитрий Данилов – автор двух книг: «Черный и зеленый» (СПб.: Красный матрос, 2004), куда вошла одноименная повесть, и только что вышедшего сборника «Дом десять» (М.: Ракета, 2006). Презентация последнего (и других книг издательства «Ракета») состоялась на прошлой неделе в Галерее Марата Гельмана. После чего мы поговорили с новым интересным писателем.

– Я всегда интересуюсь мотивами, побуждающими людей делать сегодня в литературе что-то новое. Ты вот зачем пишешь?

– Ох, сразу вопросом оговорил... Я бы тут обозначил два, если можно так выразиться, аспекта. Первое – это некий напор образов, картин даже, который требует оформления в виде букв. Не то чтобы они приходят откуда-то не отсюда – их так называемая реальная действительность порождает, и они стучатся и требуют выразить себя в текстовом виде. Второе – хочется написать про Россию что-то такое, что больше, кроме меня, никто не напишет. Вот я и пытаюсь как-то. Это все, конечно, несусветная гордыня, и тем не менее.

– А как перекинуть мостик, скажем, между твоим Тушино конца 70-х – начала 80-х (как в «Доме десять») или подмосковными городками образца 90-х (как в «Черном и зеленом») и всей Россией, которую, конечно, хочется описать?

– Мостик в том, что детали остались те же. Если не те же по содержанию, по прямому смыслу, то по интонации. Россия, какая она в свершениях, победах и поражениях – об этом многое написано. О том, какая она в деталях, если брать последние десятилетия, – думаю, мало. Пытаюсь, как могу, восполнить сей пробел. И, возвращаясь к вопросу, – именно рассматривая детали, мы можем понять и ощутить, что и в 70–80-х, и в 90-х – это все та же Россия.

– Не меняется страна, стало быть?

– Она, с одной стороны, очень бурно меняется, с другой – остается прежней. Первое видно всем, и это первое очень обильно описывается. Второе – как бы скрыто, и я пытаюсь это скрытое немного хотя бы раскрыть.

– Чем для тебя были 90-е годы, «по итогам» которых ты и начал, как мне кажется, писать?

– 90-е годы, которые я, глядя объективно, считаю одним из позорнейших периодов в русской истории, для меня лично были довольно-таки душевно комфортным временем, годами молодости, даже, я бы сказал, поисков себя, и вот эти поиски привели к тому, что я начал это все по мере сил описывать... А так-то, если по-простому взглянуть, – ужас, кромешный ужас – вот что эти 90-е годы!

– Но в сортах чая (черного и зеленого) ты ведь именно с тех лет разбираешься?

– В сортах чая я разбираюсь весьма поверхностно – в той лишь мере, которая позволяла мне тогда, в 1996–1997 годах, впаривать доверчивым покупателям чай, хотя и неплохой. А если говорить вообще об этих годах... Как бы это сказать... Думаю, было полно людей, для которых, допустим, 1918 год в России был прекрасным, счастливым временем, просто потому, что так личные обстоятельства сложились. Что не отменяет общей объективной невыносимой ужасности этого времени. Так и с 90-ми. Для меня это было в целом хорошее, интересное вре-

мя, даже серьезные трудности переживались весело и с интересом, что я и попытался описать в книжке «Черный и зеленый», надеюсь, там эта атмосфера передана.

– Как ты думаешь, какие книги из сегодняшних станут памятниками этому новому смутному времени?

– Я далеко не все книги, которые у всех более или менее на устах, читаю. Например, Алексея Иванова ничего пока не читал, просто как-то руки не доходят. Памятники 90-м?.. На ум приходят Сорокин и Пелевин. Когда шумиха и вся эта пыль вокруг их книг и имен уляжется, возможно, все увидят, что это и есть – памятники новому смутному времени. Например, «Москва» Сорокина – чем не памятник? Мои книжечки на этом монументальном фоне смотрятся, конечно, весьма скромненько, если не сказать – провинциально, так что я в этом плане не обольщаюсь и на «памятниковость» не претендую. Так, некоторые, опять-таки, детали описал, не более того.

– А что для тебя означает Россия – как идея и как предмет описания?

– Об этом можно было бы многое сказать, например порассуждать с религиозных позиций (которых я не чужд), но в данном контексте я бы сказал так: Россия – это очень таинственное место, территория, на которой любой объект, если к нему приглядеться, таинственен и достоин особого рассмотрения. Здесь я захожу немного с другой стороны к тому же, к чему заходит Юрий Мамлеев...

– Мамлеевский метод «метафизического реализма» пытается проникнуть в некую глубинную суть явления, предмета, иногда, возможно, просто приписывая им «сокровенный смысл». Для писателя же Дмитрия Данилова актуальна, как я понимаю, реальная реальность? Что вижу – то и пою?

– В принципе да, только нужна одна маленькая поправка. Когда говорят «Что вижу – то и пою», имеют обычно в виду под «что вижу» то, что и все другие видят. Типа все

жатеlem, но если кто-нибудь меня таковым назовет (уже пару раз называли), я приму это с чрезвычайным трепетом и радостью. Да, мне хотелось бы продолжить по мере моих скромных сил эту линию рассматривания реальности с расстояния вытянутой руки, как сказал кто-то из критиков Добычина, сейчас, правда, это расстояние несколько увеличилось за счет различных медиа-средств, но это не важно.

– Насколько автобиографичны твои произведения?

– Тут можно сказать со всей определенностью: повести «Черный и зеленый» и «Дом десять» – полностью автобиографичны, это нонфикшн. Рассказ «День или часть дня» – автобиографичен в части общего образа жизни автора (помимо пробы «любовной» истории и вожделения машины), остальное – неавтобиографично.

– А крупную форму не собираешься осваивать, роман, например?

– Постоянно об этом думаю, но как-то пока не получается. Выдавливать специально из себя не хочу, да и не выдавливается! Как Бог даст, так и будет. В конце концов я уже написал гораздо больше Добычина.

– Издатели сейчас неохотно издают рассказы («романный формат» на рынке доминирует). Не ощущаешь такой проблемы для писателей малых форм?

– Ощущаю, но ничего специально делать для разрешения ее (проблемы) не собираюсь. Меня вполне устраивает моя микро-скопическая, тишайшая слава.

– А ты хотел бы славы, скажем, Евгения Гришковца? Что ты думаешь вообще о современном литературном процессе?

– Слава Гришковца основана на том, что он стоял на сцене и произносил некоторые слова и пассажи. Ничего худшего, чем стоять на сцене и произносить что-то или что-то делать и изображать, не может быть в принципе, поэтому слава Гришковца представляется мне как некий кромешный ужас. Хотя, если бы на меня свалилась популярность такой же степени, но без необ-

Хотелось бы продолжить линию рассматривания реальности с расстояния вытянутой руки

видят ровную степь, и вот один из видящих поет: «Ай, ровная степь!» Я под «что вижу» подразумеваю «замечаю то, что другие по замысленности взгляда не замечают». Насколько это удастся – это уже, конечно, не мне судить. Я, разумеется, не претендую на «самый незамысленный взгляд», это понятно. Мой шанс в том, что я пытаюсь обращать внимание на вещи, на которые мало кто обращает внимание. И вот тут как раз и происходит «смычка с Мамлеевым»: он насыщает сокровенным смыслом обыденное, я обнаруживаю в обыденном этот сокровенный смысл. Типа копаем один и тот же туннель с разных сторон.

– Заголовок твоего сайта в интернете – «Буквы, организованные особым образом». В чем же особенность организации букв в слова, а слов – в предложениях писателем Даниловым?

– Это все формируется, конечно, стихийно, и мне самому непонятно, как именно, но то, что я сам понимаю и вижу, – это прежде всего вот какие вещи: 1) имитация разных видов языка, прежде всего устного и официального, переходящего в канцелярский, плюс еще, так сказать, «лирическое»; 2) их смешение; 3) попытка придать всему этому смешению некий ритм, так, чтобы получилась почти что поэзия. Хочется, чтобы это была поэзия, на самом деле. Под личиной прозы. Как-то так.

– В том же направлении двигались в 30-е годы прошлого века, например, обэриуты или Леонид Добычин, которыми, я знаю, ты занимался. Ощущаешь себя продолжателем этой традиции?

– Насчет обэриутов не скажу, там все сложно, а вот если говорить о Добычине – да, это мой, теперь я уже могу сказать со всей определенностью, любимый писатель, я, конечно, не дерзну назвать себя его продол-

жимостью «стоять на сцене», а чтобы жить так, как я живу сейчас, то почему бы и нет, хотя я не пробовал, не знаю. О современном литературном процессе... Досадно отсутствие готовности издательств вкладывать средства не только в издание, но и в раскрутку современных авторов, пишущих нежанровую и при этом несюжетную прозу. Думаю, если бы кто-нибудь взялся меня раскручивать, о-го-го бы как раскрутил. И перевели бы на языки, и прочли бы меня народы... Но это все, конечно же, совершенно нереально да и абсолютно не нужно. Поэтому о литературном процессе я могу сказать лишь то, что он развивается именно так, как и должно, и слава Богу, и пусть он дальше именно так и развивается.

– У литературы могут быть разные пути к читателю-слушателю. И ты ведь выступаешь, и люди смеются, когда ты читаешь, «стоишь на сцене». Литературный процесс не без тебя развивается – в том числе и в публичной его части. Или тебе все это «параллельно»?

– Да, вот то, что люди «смеются», меня несколькостораживает. Хотелось бы, чтобы они выли и рвали на себе волосы, а они смеются. Выходит, не получается так, как задумал. Мне кажется, я пишу очень грустные, даже мрачные вещи, а люди смеются. Насчет «литературной ситуации» и меня, не без которого она развивается, – тут можно сравнить бурю в Тихом океане и рябь на водной поверхности Водоотводного канала в Москве. Я где-то ближе к Водоотводному каналу явно. Впрочем, Водоотводный канал тоже нужен, более того, для Москвы он играет гораздо более значимую и важную роль, чем Тихий океан со всеми его бурями.

Беседовал Александр Вознесенский.